

А. С. Пругавин

**Раскол и сектантство в
русской народной жизни**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А11

A11 **А. С. Пругавин**
Раскол и сектантство в русской народной жизни / А. С. Пругавин – М.: Книга по Требованию, 2026. – 96 с.

ISBN 978-5-458-62367-4

Пругавин Александр Степанович (1850-1920), русский исследователь старообрядчества и сектантства, публицист-этнограф, революционер-народник. В книге автор предпринимает попытку осветить те или иные стороны раскола-сектантства, указать и наметить причины, которые поддерживают его существование и даже способствуют его усилению.

ISBN 978-5-458-62367-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Расколъ и сектантство

въ русской народной жизни.

Знакомясь съ результатами, достигнутыми нами въ области изученія народной жизни, народнаго быта, разбираясь въ массѣ матеріаловъ, собранныхъ нами по этимъ вопросамъ, мы не можемъ не замѣтить нѣкотораго рода узости взгляда и односторонности, съ которыми отнѣсились мы до сихъ поръ къ дѣлу изученія условій народной жизни. Пораженные видомъ народной бѣдности, періодическими голодовками, громадными цифрами недоимокъ, вынужденными переселеніями и проч. и проч., мы кинулись изучать и изслѣдовать условія экономическаго положенія народа, высчитывать крестьянскій бюджетъ, количество платежей и налоговъ, лежащихъ на мужицкой „душѣ“, количество скота, лошадей, овецъ, приходящихся на крестьянскій дворъ, изслѣдовать заработки и промыслы; позднѣе мы занялись изученіемъ поземельныхъ отношеній, состояніемъ крестьянской общины и т. д.

Все это, конечно, какъ нельзя болѣе естественно и понятно. Универсальное значеніе экономическихъ условій въ общемъ строѣ жизни каждаго отдѣльнаго народа, тѣсная зависимость этого строя отъ состоянія матеріальнаго быта — все это идеи, которыя давнымъ-давно уже стали

совершенно безспорной, избитой, азбучной истиной. А тѣмъ болѣе, когда бѣдность народа доходитъ мѣстами до нищеты, до вырожденія и вымиранія, когда цѣлыя обширныя области, считавшіяся нѣкогда „житницами имперіи“, подвергаются всѣмъ ужасамъ хроническаго голоданія, то понятно, что вопросы чисто экономическаго характера неизбѣжно пріобрѣтаютъ преобладающее значеніе и сами собою выдвигаются на первый планъ. Но дѣло въ томъ, что остановиться только на этомъ, ограничиться изученіемъ только однихъ экономическихъ вопросовъ — значило бы сдѣлать дѣло лишь наполовину. Нельзя упускать изъ виду, что, кромѣ нуждъ чисто матеріальныхъ, кромѣ запросовъ желудка, у народа существуютъ и другія потребности, неудовлетвореніе которыхъ отзывается на немъ также крайне болѣзненно и печально.

Это — потребности просыпающейся мысли, потребности чувства и сердца, жажда умственной, духовной дѣятельности. Съ другой стороны нельзя забывать и той старой, избитой истины, что всякаго рода явленія текущей жизни, въ томъ числѣ и экономическія бѣдствія, съ ихъ голодовками, нищетою, вымираніемъ и проч. — все они, безъ всякаго сомнѣнія, разумѣется, оставляютъ глубокіе, неизгладимые слѣды въ характерѣ народа, въ настроеніи его духа, вліяютъ на его энергію, на складъ и строй его воззрѣній, на развитіе въ немъ новыхъ вѣрованій, новыхъ ученій и т. п.

Между тѣмъ эту-то именно сторону народной жизни мы совершенно упустили изъ виду, всецѣло отдавшись изученію крестьянскаго бюджета и хозяйства. Занявшись изслѣдованіемъ вопро-

совъ о томъ: въ чемъ живетъ мужикъ, сколько онъ получаетъ, сколько проживаетъ, что онъ ѣстъ, во что одѣвается, — мы совсѣмъ забыли справиться: что онъ думаетъ? во что онъ вѣритъ и во что не вѣритъ? Каковы его надежды, взгляды, его завѣтныя думы, желанія и стремленія, какъ онъ относится къ тѣмъ или другимъ явленіямъ современной, скользящей мимо его, жизни, какъ, наконецъ, отражаются на немъ разныя событія и условія окружающей его дѣйствительности и т. д. и т. д.

Мнѣ не зачѣмъ напоминать здѣсь исторію нашего знакомства съ народомъ, такъ какъ она, безъ сомнѣнія, слишкомъ свѣжа у всѣхъ въ памяти. Всѣ помнятъ, конечно, услуги, сдѣланныя въ этомъ отношеніи нашими славянофилами, но помнятъ и ихъ ошибки, ихъ односторонность, помнятъ тѣ груды сборниковъ народныхъ пѣсенъ, былинъ, пословицъ, преданій, поговорокъ, сборниковъ, которые были единственнымъ результатомъ этого изученія; помнятъ затѣмъ „западниковъ“, сведшихъ изученіе народной жизни на изслѣдованіе экономическаго быта народа и обогатившихъ литературу рядомъ прекрасныхъ изслѣдованій о производительныхъ силахъ и средствахъ народа... Несмотря на это, духовная, религіозно-нравственная, интеллектуальная жизнь народа осталась и, нужно сказать, остается до сихъ поръ очень мало извѣстною.

Изъ всѣхъ проявленій умственной жизни русскаго народа, не имѣющихъ прямого отношенія къ экономическимъ вопросамъ, до сихъ поръ удостоился *систематическаго* изученія лишь одинъ вопросъ, это именно — народное обычное право. Благодаря инициативѣ покойнаго Н. В. Калачова,

русское географическое общество обратило внимание на необходимость изучения народных юридических обычаев и издало весьма подробную, прекрасно составленную программу для собиранія свѣдѣній по этому предмету. Безъ сомнѣнія, разработка этого вопроса имѣетъ большое серьезное значеніе для практической жизни, но опять-таки ясно, конечно, само-собою, что остановиться на этомъ и опочить на лаврахъ — невозможно.

Необходимо обратить серьезное вниманіе и заняться тщательнымъ изученіемъ всѣхъ другихъ сторонъ, всѣхъ другихъ проявленій духовной, интеллектуальной жизни русскаго народа. Къ числу этихъ вопросовъ мы причисляемъ вопросъ о расколѣ или сектанствѣ. Скажемъ болѣе. Этому вопросу, въ виду его особеннаго значенія, мы отводимъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди другихъ вопросовъ интеллектуальной народной жизни.

Во избѣжаніе недоразумѣній, считаемъ необходимымъ замѣтить, что подъ словомъ *расколъ* мы разумѣемъ совокупность всѣхъ вообще религіозно-этическихъ и религіозно-бытовыхъ протестовъ и разномыслія русскаго народа. Такимъ образомъ подъ именемъ раскола мы разумѣемъ не только расколъ старообрядчества, но также и всѣ тѣ секты, которыя нашими духовными писателями называются обыкновенно „ересями“ и которыя обыкновенно выдѣляются ими изъ понятія о расколѣ ¹⁾. Къ числу „ересей“ духовные писатели,

¹⁾ *Примѣчаніе цензора, іеромонаха Александра.* Слова „ересь“, „секта“ и „расколъ“ до сихъ поръ еще не получили точнаго опредѣленія въ нашей богословской наукѣ и гражданскомъ законодательствѣ. Тѣмъ не менѣе почтенный авторъ едва ли поступаетъ правильно, сближая нашихъ раскольниковъ (старо-

какъ извѣстно, относятъ, во-первыхъ, разныя мистическія секты, въ родѣ хлыстовъ, скопцовъ, и проч., и, во-вторыхъ, секты рационалистическія, въ родѣ молоканства, духоборства, штунды и т. д.

Культурная, умственная жизнь каждаго народа начинается прежде всего въ сферѣ религіозныхъ вопросовъ, наиболѣе для него близкихъ и важныхъ. Пробудившаяся мысль начинаетъ подвергать критикѣ догматы, принятые нѣкогда безсознательно и усвоенные чисто механически. Но разъ началась повѣрка религіозныхъ тезисовъ, возникла потребность въ болѣе сознательной ассимиляціи ихъ, къ нимъ, въ сознаніи народа, такъ или иначе примѣшиваются всѣ тѣ социальныя, бытовыя тенденціи и стремленія, до пониманія которыхъ онъ успѣлъ возвыситься и которыя возникли въ немъ подъ вліяніемъ общаго строя окружающей его жизни.

Расколъ это — цѣлый религіозно-бытовой культъ, выработанный и созданный историческимъ процессомъ русской народной жизни. Въ немъ самымъ поразительнымъ образомъ перемѣшиваются идеи и стремленія чисто религіозныя съ вопросами и стремленіями чисто бытового, социального склада и характера, такъ что весьма часто бываетъ почти невозможно опредѣлить: гдѣ кончаются первыя и гдѣ начинаются вторые. При этомъ въ однѣхъ сектахъ беретъ перевѣсъ

обрядцевъ) съ сектантами. Если и можно находить какое-либо сходство между нашими расколомъ и сектантствомъ, то исключительно общаго, формальнаго оттѣнка. Расколъ и сектантство суть уклоненія отъ православія, проявленія религіознаго разномыслія... Вотъ принципъ, можетъ-быть, единственный для чисто-внѣшняго, формальнаго сближенія между раскольниками и сектантами. Наоборотъ, чѣмъ глубже приходится изучать раскольниковъ и сектантовъ съ внутренней стороны, тѣмъ отчетливѣе и яснѣе открывается великое различіе между ними.

элементъ религіозный, въ другихъ — соціально-общественный; тѣмъ не менѣе присутствіе каждаго изъ обоихъ элементовъ неизбѣжно въ ученіи любой секты. Такъ было прежде, такъ и теперь, и только крайняя умственная близорукость можетъ утверждать, что наше современное сектантство представляетъ собою явленіе исключительно религіозное, чуждое всякихъ общественныхъ и бытовыхъ мотивовъ и стремленій.

Причины, обусловливающія развитіе сектантства, слишкомъ широко захватываютъ народную жизнь и коренятся и кроются въ ней гораздо глубже, чѣмъ обыкновенно думаютъ объ этомъ. Отсюда понятно, почему вопросъ о расколѣ неразрывно связывается не только съ вопросами, касающимися церкви, духовенства и школы, но также и со всѣми тѣми вопросами нашего общественнаго быта, которые относятся до правового и экономическаго положенія народа — всѣ эти вопросы находятся въ прямой и тѣсной связи съ условіями, способствующими развитію сектантства, и отъ того или другого практическаго разрѣшенія ихъ будетъ прямо зависѣть усиленіе или ослабленіе раскола.

Къ сожалѣнію, мысль эта до сихъ поръ еще не усвоена громаднымъ большинствомъ нашего образованнаго общества. Для многихъ, напримѣръ, можетъ показаться даже въ высшей степени странною мысль о томъ, что развитіе сектантства находится въ близкой и тѣсной зависимости отъ существованія въ народной жизни такихъ учрежденій, какъ паспортная система, подушная подать и т. п. А между тѣмъ идея эта безспорно вѣрна. Чрезвычайная разнородность основныхъ элементовъ, вызывающихъ и поддерживающихъ

расколъ, является главною причиною, почему вопросъ о сектантствѣ не можетъ быть обсуждаемъ отдѣльно, самъ по себѣ, безъ отношенія его къ другимъ наиболѣе важнымъ и давно наболѣвшимъ вопросамъ нашей общественной жизни.

I.

Исканія правды.

„Въ расколѣ, — говоритъ Шаповъ, — преимущественно проявилась своеобразная жизнь массы народа, жизнь религіозная и гражданская, жизнь умственная и нравственная“¹⁾).

„Кто хочетъ изучать характерныя черты великороссовъ, тотъ долженъ изучать ихъ у старо-вѣровъ“, говоритъ баронъ Гакстгаузенъ²⁾).

„Расколъ, — говоритъ Н. И. Костомаровъ, — составляетъ крупное явленіе народнаго умственнаго прогресса“... По его словамъ, „въ нашей исторіи расколъ былъ едва ли не единственнымъ явленіемъ, когда русскій народъ не въ отдѣльныхъ личностяхъ, а въ цѣлыхъ массахъ, безъ руководства и побужденія со стороны власти или лицъ, стоящихъ на степени высшей по образованію, показали своеобразную дѣятельность въ области мысли и убѣжденія“³⁾).

Подъ вліяніемъ раскола складывается и развивается семейная домашняя жизнь многомилліонной массы сектантскаго населенія; подъ его вліяніемъ устанавливаются и регулируются взаимныя отношенія членовъ семьи между собою,

¹⁾ „Русскій расколъ старообрядчества“. Соч. Шапова. Казань. 1859 г.

²⁾ „Исслѣдованіе внутреннихъ отношеній народной жизни“ и т. д. Москва. 1870 г.

³⁾ „Исторія раскола у раскольниковъ“, „Вѣстникъ Европы“ 1871 г. № 4.

привычки, взгляды, наклонности, вѣрованія. Расколъ обусловливаетъ и взаимныя отношенія своихъ приверженцевъ, какъ членовъ извѣстнаго общества, и всѣ наблюдатели народнаго быта указываютъ на замѣчательную солидарность, которая проявляется въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и которой такъ часто недостаетъ въ кругу ихъ православныхъ собратьевъ. Наконецъ, расколъ оказываетъ вліяніе и на матеріальное состояніе своихъ послѣдователей, чему нагляднымъ доказательствомъ можетъ служить общеизвѣстный фактъ ихъ гораздо бѣльшаго экономическаго благосостоянія.

„Расколъ расшевелилъ спавшій мозгъ русскаго человѣка“, говоритъ Н. И. Костомаровъ. Какъ бы то ни было, но не подлежитъ сомнѣнію, что народная мысль проснулась и ищетъ выхода, ищетъ удовлетворенія. Страстно, порывисто рвется она изъ вѣковаго мрака и умственной неподвижности къ свѣту, свободѣ и простору. Эти порыванія мысли, какъ увидимъ далѣе, весьма ярко отражаются въ нашемъ сектантствѣ.

Правда, скудны и бѣдны, бѣдны до крайности наши свѣдѣнія обо всемъ, что касается до сферы „народной мысли“. Оторванные отъ народа, прикованные къ своимъ кабинетамъ, канцеляріямъ, бібліотекамъ, конторамъ, архивамъ, мы лишены возможности непосредственно слѣдить за проявленіями и движеніями коллективной мысли народной массы. Объ этомъ мы судимъ лишь по тѣмъ отрывочнымъ, случайнымъ свѣдѣніямъ и извѣстіямъ, которыя появляются по временамъ въ нашей печати.

Кто, читая газеты, не усвоилъ себѣ похвальной привычки „пропускать мимо“ извѣстія, иду-

щія изъ „нутра Россіи“, изъ уѣздныхъ захо-
лустьевъ, изъ селъ и деревень, съ фабрикъ и
заводовъ, тотъ, навѣрное, не разъ задумывался
надъ сообщеніями о появленіи различныхъ но-
выхъ сектъ то въ той, то въ другой мѣстности.
И трудно не задуматься. Передъ нашими гла-
зами, въ глубинѣ народной массы, происходитъ
нѣчто необычайное, нѣчто загадочное, и вмѣстѣ
глубоко знаменательное, къ чему, однако, никто,
повидимому, не считаетъ нужнымъ отнестись ду-
шевно, искренно, съ серіознымъ чувствомъ и съ
горячимъ желаніемъ помочь дѣлу.

Мы видимъ, какъ всюду непрерывно возни-
каютъ все новые и новые секты, толки и ученія.
Въ этихъ ученіяхъ, на ряду съ различными
странными, смѣшными и нелѣпыми выводами,
порожденными вѣковымъ невѣжествомъ и гне-
томъ, вы то и дѣло встрѣчаете чистыя, гуман-
ныя, высокія идеи, которыя невольно приковы-
ваютъ къ себѣ все ваше сочувствіе, всѣ ваши
симпатіи. Впечатлѣніе это усиливается еще болѣе
при мысли, что до этихъ идей додумывались не
ученые богословы и не философы, прошедшіе
университетскіе и академическіе курсы, а какіе-
нибудь „темные“, „сѣрые люди“, исконные обы-
ватели селъ, деревень и заводовъ, въ родѣ ка-
кого-нибудь Семена Матвѣева Уклеина или Ми-
хаила Акинфіева Попова и т. п.

Мы не будемъ говорить здѣсь о первоначальныхъ причинахъ, вызвавшихъ расколъ въ
нашей жизни, такъ какъ вопросъ этотъ тре-
буетъ спеціальнаго изслѣдованія. Извѣстно, что
„политико-религіозныя партіи въ Россіи появля-
ются одновременно съ отмѣною земскихъ народ-
ныхъ правъ, начавшеюся при Димитріи Дон-